

держивающая оптимистический тонус общества. «...Чувствуя так всю скорбь своего времени, как чувствовал ее Щедрин», он умел, писал Короленко, «пробуждать в других смех, рассивающий настроение кошмара и вспугивающий ужасные призраки» [3, т. 8, с. 287]. Источником этой нравственной силы Щедрина и его всепобеждающего смеха Короленко считал не утраченную сатириком до конца жизни — «до вечера» — веру в «забытые слова», верность высоким демократическим и нравственным идеалам.

Как видим, Короленко ценил в Щедрине именно те черты, которые составили основу мировоззрения революционных демократов и которые стали близки ему самому. И, опираясь на память о великом сатирике, Короленко обращался к своим современникам: «Щедрин смеялся, но ему хватило [веры] до вечера. Многим ли хватит из нас — посмотрим» [3, т. 8, с. 289].

Короленко «хватило». И его доклад, написанный горячо и убежденно, позволяет утверждать, что суровая принципиальность Щедрина, его верность высоким идеалам, столь ценимые Короленко, поддерживали и укрепляли его собственную непоколебимую принципиальность, его прославленное гражданское мужество.

С произведениями Щедрина Короленко познакомился в юности, на гимназической скамье, и перечитывал их многократно. Нередко он не только отчеркивал важные для него строки и делал пометки на полях, но и в оглавлении книг часто раскрывал содержание глав, а на форзаце обозначал, с указанием страниц, особенно интересные для него темы. Так, например, на форзаце «Пестрых писем» он отметил: «О русском читателе», «О конституции», «Губернаторская власть», «сенат», «община», «о героизме», «о хождении в народ»; на форзаце «Недоконченных бесед» — «Об адвокатуре» (много страниц), «О земцах», «охранительная печать» и т. д.

В своих сочинениях Короленко цитирует и упоминает многие произведения Щедрина: «Историю одного города», «Помпадур и помпадурши», «За рубежом», «Благонамеренные речи», «Убежище Монрепо», «Дневник провинциала в Петербурге», «Пестрые письма», «Господа Ташкентцы», «Современная идиллия», «В среде умеренности и аккуратности», «Круглый год», «Мелочи жизни», «Губернские очерки», «Невинные рассказы», сказки. Отдельные выражения и меткие словечки Щедрина разбросаны по многим текстам Короленко: «Помпадур», «Недреманное око», «Читать в сердцах», «Превратные толкования», «Судоговорение», «Куропаты» и т. д.

Постоянное общение с творчеством великого сатирика, память о нем сопровождали весь жизненный путь Короленко².

Символично, что единственный писательский портрет, висевший в кабинете Короленко в Полтаве, был портретом Щедрина.

Вспоминая в «Истории моего современника» о своих юношеских попытках «перелить» все, что его поражало, в «слова, которые бы охватили внутренний характер явления», Короленко писал: «Когда (...) после Тургенева и других русских писателей я прочел Диккенса и „Историю одного города“ Щедрина, — мне показалось, что юмористическая манера должна как раз охватить и внешние явления окружающей жизни, и их внутренний характер. Чиновников, учителей, Степана Яковлевича, Додонуса я стал переживать то в диккенсовских, то в щедринских персонажах» [3, т. 5, с. 195].

И хотя, как признавался писатель, «получалось не то», склонность «переживать» действительность в образах Щедрина сохранилась у него на всю жизнь. Почвой, питавшей эту склонность, были те «основы жизни», которые Щедрин подвергал критике в своей гениальной сатире и которые существовали в самодержавной России и в период деятельности В. Г. Короленко. Меткие определения

² Показательно, что свое первое произведение «Эпизоды из жизни искателя» (1879) Короленко отнес в «Отечественные записки» Щедрину и виделся с ним. И хотя рассказ этот напечатан не был [2, т. 2, с. 287—288], в ноябре 1880 г. начинающий писатель опять-таки собирался послать новое «свое детище» (очевидно, очерк «Собор с зарокотом») «на экзамен Щедрину» [5, с. 88—89].

